

ЦЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ И ЕЁ ТВОРЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

В.С. Глаголев

Формирование личности Александра Фёдоровича Шишкина начиналось в семье до-революционного сельского учителя, где ценности знания, любви к делу просвещения, повседневная система методических усилий, обращённых к ученикам, сочетались с нравственной опрятностью, духовной чистотой и повседневной требовательностью, исключавшей вредные привычки. До конца своих дней Александр Фёдорович не курил, был предельно воздержан к горячительным напиткам в кафедральных застольях и скорбел о судьбе тех, кто не мог воздержаться от соблазнов зелёного змия. Русская революция 1917 г. была принята им как первый шаг в реализации векового стремления народа к просвещению, образованию, духовному свету и перестройке основ повседневной жизни на началах добра и справедливости. Вера в то, что жизнь поворачивается к лучшему, несмотря на разруху Гражданской войны, определила добросовестную службу в Красной армии, открывавшую возможность учиться в вузах демобилизованным красноармейцам со средним образованием. Высшее педагогическое образование, полученное им в Ленинграде, ознаменовало новую ступень профессионального роста по сравнению с потолком учителя сельской школы. Преподавание в городских школах, а потом и в педагогическом институте Вологды открыло новые возможности духовного роста и сосредоточенных занятий в области теоретической педагогики.

Философско-педагогическое наследие двух великих мыслителей XVIII в. – Ж.-Ж. Руссо и И. Канта – привлекли его сосредоточенное внимание. И это было логично. С одной стороны, великий француз раскрывал своим читателям неисчерпаемые возможности развития личности как в процессе её восхождения, так и на маршрутах деградации и порока. Его «Исповедь» производила ошеломляющее впечатление предельной откровенностью самоотчёта о внутрен-

них побуждениях, их тайных мотивах; осуждением фальшивой заботы о благопристойности и строгим балансом добрых и злых поступков. Разумеется, эта книга не могла быть написана без солидной традиции автобиографической прозы. В своей «Исповеди» Руссо опирался на такие сочинения, как «Наедине с собой» римского императора Марка Аврелия, «Утешение философией» Боэция, «История моих бедствий» Пьера Абеляра, «Мысли» Блеза Паскаля. В своё время огромное впечатление от книги Руссо получил Лев русской литературы – Толстой, заменивший тогда же православный крест на своей шее на портрет французского просветителя. Под влиянием книги Руссо были созданы «Детство», «Отрочество» и «Юность» Л.Н. Толстого, равно как и его собственная «Исповедь», увидевшая свет в 1884 г. в Женеве.

С другой стороны, Александра Фёдоровича Шишкина, преподавателя педвуза, привлёк мир профессора Кёнигсбергского университета И. Канта. Мир космического простора возможностей человеческой воли и предельной строгости критериев оценки человеческих поступков. И по их намерениям, благим у всех и часто даже у закоренелых злодеев, и по свойству человеческих деяний сказываться самым неожиданным образом на судьбах как ближайшего окружения, так и – при определённых условиях – на истории всего человечества. Исключительная требовательность кантовского категорического императива, оставившего прагматику повседневности за рамками моральной сферы, представляется утопической, принципиально неосуществимой для реального, на Земле живущего человека. Но кёнигсбергский мудрец не был утопистом. Отличаясь исключительной способностью к систематической аналитике, он сумел соотнести в единой системе человеческих замыслов и их конечных плодов причудливые зигзаги судеб выдающихся личностей и целых цивилизаций.

Предложенный им критерий нравственности – положить в основу максимального устремления человеческой воли требование закона, равно значимого для всех и каждого на Земле, – означало предупреждение людям о необходимости быть предельно внимательными и осторожными в отношении тех замыслов, которые предполагается реализовать. И требовательность к самому процессу реализации замыслов, когда превращение других людей в пешки означает утрату малейшей претензии на нравственную состоятельность. При этом Кант, не будучи утопистом, не запрещает и не отвергает прагматику. Он лишь отказывает ей в претензии на нравственное измерение и соответственно нравственное содержание. Лишь то в практических усилиях возвышается до нравственности, что в состоянии соответствовать критериям закона, обязательного для исполнения всеми и каждым, по причине значимости этого закона для жизни устойчивой и нравственно состоятельной перспективы взаимодействия людей.

Сочинения Канта – как на немецком, так и в русских переводах – отличаются теоретической сложностью, многоуровневостью и систематичностью логических посылок, определяющих выводы. Они относятся, если сравнить их с сочинениями Руссо, к элитарной философской литературе, требующей достаточно высокого уровня образования, теоретического воображения и свободного времени для адекватного восприятия связанных между собою кантовской теорией познания этики и мотивации оценок. Однако русскому читателю повезло. Вернувшись с каторги и ссылки (куда он попал по делу петрашевцев), Ф.М. Достоевский пытался наладить издание двух «почвеннических» журналов – «Время» и «Эпоха» для систематической публикации критических и художественных произведений. Эти издания были зарегистрированы на имя его брата, Михаила Фёдоровича, так как вчерашний каторжник и ссыльнопоселенец не имел права заниматься издательской деятельностью по тогдашним (1860-е гг.) цензурным требованиям. Однако брат внезапно умер, и перед писателем встала непростая нравственная дилемма: отказаться от выплаты крупных денежных долгов брата, вызванных убыточностью изданий, или взять эти долги на себя. Первый вариант означал бросить тень на доброе имя брата, но сохранить собственную творческую независимость писателя. Второй – необходимость добровольно пойти в рабство к кредиторам, непрерывно изворачиваясь, погашая срочные платежи из литературных заработков, не отличавшихся, впрочем, регулярностью и обилием.

Достоевский выбрал второй вариант и сумел, имея на содержании жену, пасынка и двух собственных детей, снимая квартиру и периодически выезжая на лечение за границу, выплатить все долги брата и собственные за шестнадцать лет поистине каторжной литературной работы. Его вторая жена, Анна Григорьевна, рассказала в

своих воспоминаниях об этой поистине подвижнической борьбе за выживание и поддержание творческого состояния в условиях тяжёлой нервной болезни и постоянных перепадов настроения писателя. Его подённая работа (в целом противопоказанная устойчивым умственным занятиям) требовала постоянно острых сюжетов. Писатель часто заимствовал их из полицейской хроники, обсуждая на примерах драматических и даже трагических историй жгучую смысловую проблематику. На материале уголовного дела группы С.Г. Нечаева, изложенного в газетах 1869 г., был основан сюжет и прописаны некоторые черты характера героев его знаменитого романа «Бесы». Другая уголовная история была положена в основу анализа исканий и поступков героев в романе «Братья Карамазовы».

В опубликованной в 1963 г. книге Я.Э. Голосовкера «Кант и Достоевский» систематично и убедительно показано: Ф.М. Достоевский, апробировал возможности реализации кантовского учения о свободе воли и нравственном поведении сквозь призму житейских драм, в которых описания уголовных преступлений позволяли предельно обострять связанные с ними психологические, религиозные и философские коллизии. Благодаря художественному воображению Достоевского, его герои становились воплощениями философско-нравственных категорий с их внутренней противоречивостью, напряжённостью, динамикой переходов противоположностей, неоднозначными разрешениями, казалось бы, неразрешимых ситуаций. Достаточно вспомнить духовную жизнь основных персонажей «Преступления и наказания». В семье русских интеллигентов, из которой вышел А.Ф. Шишкин, книги Толстого и Достоевского были если не настольными, то постоянно читаемыми и перечитываемыми. Их образы и парадигмы давали постоянный импульс теоретическим размышлениям Александра Фёдоровича о природе воспитания, роли в нём морали, противоречивости нравственных требований и реальном содержании земной жизни в советском обществе конца 1920–1930-х гг.

А.Ф. Шишкин выделялся среди педагогов и администраторов Вологодского педагогического института самостоятельностью мысли, незаурядностью личности, подчеркнута дистантным отношением к мелкотравчатым интригам, облекавшимся в политические обвинения и обыкновенные доносы. Зловещим предзнаменованием неизбежной репрессии стала статья «Троцкист на профессорской кафедре», напечатанная в вологодской областной газете в разгар политических репрессий. Александр Фёдорович в это время был директором Вологодского педагогического института. Ему пришлось срочно доказывать в Москве, в Народном комиссариате просвещения (Наркомпросе), что его научные занятия и связанные с ними размышления не имеют (и не могут иметь) ничего общего с

троцкистской идеологией «подстёгивания клячи истории», со ставкой на пожар мировой революции и с троцкистскими группами вообще.

Редкий по тем временам случай – убедительность аргументации восторжествовала применительно к личности обвинённого: его сделали ответственным работником комиссариата. К этому времени относится его дружба с Д. Гачевым, болгарским политэмигрантом-коминтерновцем, преподававшим философию и оставившим след в истории эстетики своей книгой «Эстетические взгляды Д. Дидро». Впоследствии Георгий Гачев, его сын, опубликовал письма отца, оказавшегося в Колымских лагерях, к жене – матери Георгия. Они составили один из трагических документов эпохи конца 1930 – 1940-х гг. Сам Георгий Гачев стал известным культурологом, автором серии книг, развивавших общую тему «Национальные образы мира». Работа А.Ф. Шишкина в Наркомпросе стимулировала размышления о судьбах воспитания и его перспективах приобрели личностно-социальное содержание. В центр этих размышлений предвоенная обстановка ставила, естественно, воспитание готовности защищать Родину, её государственный строй, родную землю и народ от неумолимо надвигавшейся агрессии фашизма. Напомним, что ещё в 1936 г. советский журналист и разведчик, работавший под псевдонимом Эрнст Генри (С.Н. Ростовский), опубликовал в Лондоне книгу «Гитлер против СССР» (русский перевод опубликован в Москве в 1937 г.).

Организация учебного дела в условиях войны, необходимость использования части школьных помещений для госпиталей и в других целях, связанных с военными задачами, обеспечение советских школьников бумагой, карандашами, чернилами, учебниками и пособиями, художественной литературой – таким был круг забот Наркомпроса в военное время. При этом сохранялась необходимость готовить из старшеклассников бойцов для фронта на уроках военного дела, а школьниц старших классов обучать навыкам оказания медицинской помощи. По мере освобождения территорий, оккупированных фашистами, первоочередными становились задачи возрождения советского школьного дела на этих территориях, назначения и подготовки учителей и работников школьной администрации, восстановление и строительство заново школьных зданий и другие неотложные заботы на ниве просвещения.

Решались вопросы организации непрерывного педагогического образования, включавшего в качестве своих ступеней педагогические училища (подготовка учителей для младших классов); учительские институты, готовившие предметников для преподавания в 5–7 классах; педагогические институты, обеспечивавшие знаниями и владением педагогической методикой будущих учителей для 8–10 классов; институты усовершенствования учителей, работавшие при областных отделах народного образования

и осуществлявшие повышение квалификации педагогических кадров всех ступеней. Функционировала постоянная система инспекторских посещений уроков и организации учебного процесса в школах всех ступеней, было налажено регулярное обобщение опыта педагогической работы на ежегодных районных и областных учительских конференциях. Система государственного поощрения учительского труда включала награждение орденом «Знак Почета» педагогов школ, успешно проработавших на этом поприще 20 лет; орденом Трудового Красного Знамени – учителей с 25-летним непрерывным педагогическим стажем и высшим орденом СССР – орденом Ленина – учителей, имевших 30-летний стаж непрерывной педагогической работы.

Хотя зарплата и материальные условия жизни советского учителя в послевоенное время были более чем скромными (здесь действовал порочный принцип «остаточного финансирования»), финансовые и технические вложения в школьную инфраструктуру непрерывно совершенствовались. Попутно заметим, что обязательным предметом в 9-м классе средней советской школы была психология, а в 10-м классе – логика. Освоение этих предметов стимулировало внимание к проявлениям межличностных коммуникаций и задачам структурирования устной и письменной речи. Не будем вспоминать о большом количестве учебных часов, выделявшихся в старших классах советской школы на изучение математики, физики, химии, русского языка и литературы, что обеспечивало оптимальное сочетание базовых естественно-научных и гуманитарных дисциплин в формировании мировоззренческих ценностей выпускников, в мотивации выбора будущей специальности. Престиж высшего образования для вступающих в жизнь молодых людей был исключительно высоким. Работала система вечернего, заочно-очного и заочного образования на бесплатной основе, дававшая шансы учиться всем, кто желал это делать. Заочникам предоставлялись дополнительные отпуска на работе. Администрация поощряла успешную сдачу экзаменационных сессий и продвижение по ступенькам служебной лестницы обладателей дипломов техникумов и вузов. Педагогическая составляющая этой разносторонней работы Наркомпроса около десятилетия была объектом профессиональной ответственности А.Ф. Шишкина, занимавшего ответственные должности в аппарате комиссариата.

Выбор Ю.П. Францевым кандидатуры А.Ф. Шишкина на пост профессора философии МГИМО был неслучаен. Руководителю московской высшей школы международных требовался образованный человек, способный содержательно артикулировать теоретические основы философских знаний в сочетании с ориентацией будущих дипломатов на обретение нравственной целостности, твердо-

сти принципов и гибкости их применения в сложной обстановке, отличающейся возможностями резких изменений. Широта культурных интересов нового профессора МГИМО, точность и продуманность его знаний, свобода от догматического начётничества и одновременно способность предвидеть «минные поля» идеологических ловушек и провокаций ортодоксов и карьеристов – все это способствовало признанию его авторитета среди студенчества, пришедшего в МГИМО с войны. Среди первых учеников – фронтовиков Александра Фёдоровича – будущий академик Н.Н. Иноземцев, директор Института мировой экономики и международных отношений АН СССР; Д.В. Ермоленко – будущий профессор и проректор МГИМО и ряд других высококлассных специалистов – международников.

Смерть И.В. Сталина в марте 1953 г. радикально изменила идеологическую ситуацию в стране. Достаточно быстро из прессы и научных публикаций исчезли ссылки на беспорочность положений в выступлениях и статьях «корифея науки». Ещё ранее были освобождены из заключения жёны и другие родственники лиц, входивших в высшее руководство страны. Видимо, их рассказы в узком семейном кругу «в верхах» об испытанном и пережитом стимулировали внимание к вопросу о целесообразности содержания в лагерях большой группы людей, осуждённых по политическим обвинениям. Арест Л.П. Берия в июне 1953 г. и сообщение о его расстреле, наряду с расстрелом нескольких высших служащих МГБ и НКВД, открыли путь к пересмотру дел осуждённых. Комиссии, созданные для пересмотра дел во всех лагерях, где находились осуждённые по 58-й статье, работали долго, некоторые до восьми месяцев. Таких комиссий было около ста. Волна реабилитированных, часть из которых получила работу по специальности, радикально изменила настроение в среде интеллигенции. Эти подвижки были использованы Н.С. Хрущёвым для организации известной комиссии П.Н. Поспелова, входившего в узкий круг высшей кремлёвской элиты. Опираясь на собранные ею материалы, Хрущёв в ночь на 25 февраля 1956 г. сделал свой исторический доклад о культе личности И.В. Сталина и преодолении его последствий, произведший на делегатов и иностранных гостей съезда впечатление разорвавшейся бомбы. Спустя несколько дней текст доклада был зачитан на многочисленных собраниях так называемого «актива», включавшего на этот раз не только членов партии, но и некоторых приглашенных комсомольцев и даже беспартийных. Тогда же он был опубликован на Западе.

Резонанс этих откровений был ошеломляющим. Спустя примерно полтора месяца, в апреле 1956 г. на торжественном заседании в Большом театре, посвященном 100-летию со дня рождения Г.В. Плеханова – выдающегося деятеля русской социал-демократии и Второго Интер-

национала, академик М.Б. Митин (сделавший свою карьеру в качестве идеолога сталинизма) предложил новое теоретическое обоснование роли народных масс и личности в истории. Оно отметало культ личности Сталина как феномен, принципиально не соответствовавший идеям Маркса, Энгельса и Ленина о закономерностях исторического процесса. Атмосфера «хрущёвской оттепели» благоприятно сказалась на возможностях творческой работы Александра Фёдоровича Шишкина. Во-первых, он защитил докторскую диссертацию, посвящённую педагогическим идеям Канта. Опубликовал в ведущем философском журнале «Вопросы философии» серию статей, посвящённых вопросам этики. Подготовил учебник по этой дисциплине. Принял активное участие в обосновании своевременности и необходимости её преподавания в высших учебных заведениях страны.

В 1959 г. вышло директивное решение об обязательном преподавании курсов этики и эстетики во всех вузах СССР. С одной стороны, это решение было ориентировано на существенное обновление преподавательских кадров в вузах и освобождение от догматического начётничества в преподавании; с другой стороны, оно способствовало расширению кругозора студентов, приобщению их к ряду проблем мировой культуры, остававшихся в предыдущие годы советской власти достоянием предельно узкого круга высококлассных гуманитариев. И, конечно, обсуждение этической и эстетической проблематики способствовало формированию творческого отношения к жизни, пониманию сложности внутреннего мира человека, многообразия проявлений и форм человеческого общения. Потребовались новые кадры. В первую очередь – из числа выпускников философских факультетов, где этика и эстетика изучались на протяжении 1,5 – 2 лет на старших курсах и в спецсеминарах. Был создан ряд кафедр по этим дисциплинам в университетах столиц всех союзных республик, в вузах Москвы, Ленинграда и некоторых других крупных городов Российской Федерации. Развернулась активная научная работа в секторах этики и эстетики Института философии АН СССР, в институтах философии Украины, Белоруссии и в ряде других республиканских столиц.

На диссертационных советах стали защищаться по этим направлениям кандидатские и докторские диссертации, консультантом которых и научным экспертом постоянно выступал Александр Фёдорович. Это направление вузовской политики идеологически связывалось с ускоренным построением коммунистического общества, предполагавшего в качестве своей основы и творца «советского человека» – всесторонне развитую личность. Хотя утопия этой посылки достаточно быстро обнаружила свою несостоятельность, высокая планка требований к нравственному содержанию личности и её способности действовать, ори-

ентируясь на «законы красоты», несомненно, было одним из импульсов, поддерживавших творческую устремлённость целого поколения. Художественные фильмы о «шестидесятниках» и «семидесятниках» с их благородным пафосом, подчёркивающим красоту устремлений и нравственную целостность «строителей коммунизма», были одним из существенных параметров той атмосферы дерзания и самоотверженности в служении Отечеству, без которых наша история нескольких десятилетий не могла бы состояться.

К сожалению, множество «подковёрных» интриг (одной из которых были результаты посещения Н.С. Хрущёвым выставки «блестинцев» в Манеже в декабре 1962 г.) осложнили взаимоотношения властей с интеллигенцией и стимулировали волну последующих диссидентских настроений и административно-уголовные средства борьбы с ними. Александр Фёдорович Шишкин не был человеком «с двойным дном». Он видел, что увлечение формалистическими исканиями в среде художественной интеллигенции сопровождается дистанцированием от полноты и целостности сокровищ мировой культуры, их односторонним и часто узким восприятием, нигилистическим отношением к их высшим смыслам и достижениям. Его чёткость, трезвость и определённости суждений относительно этих феноменов опирались на прекрасное знание мировой литературы и изобразительного искусства. Всю свою жизнь он много читал, следил за современной прозой, систематически обращался к классике, был в курсе баталий в литературоведческой критике, которые развёртывались на страницах толстых журналов. «Новый мир» в пору редакторства А.Т. Твардовского выделялся им как серьёзное явление отечественной культурной жизни, отличавшееся тенденцией к всесторонней продуманной и обстоятельной аргументации.

Своим молодым собеседникам и коллегам, проявившим склонность к восторженному восприятию новейших художественных экспериментов, Александр Фёдорович спокойно и терпеливо разъяснял слабость аргументации их позиций, субъективность проявленной «вкусовщины» и незрелость оценок, идущих от юношеской пылкости. При этом он был исключительно терпелив, благожелателен, скрупулёзно внимателен к рассуждениям и доводам тех, с кем спорил. Внутренне он сопереживал им и был готов принять рациональное зерно в их концептуальных построениях. Это были обсуждения, в которых его больше всего беспокоили условия, формы и последствия сопряжения современных ему культурно-художественных процессов и ростков будущей культуры (нередко заносимых с другой почвы, из иных социально-политических и культурных укладов).

Он был убеждённым интернационалистом, для которого была неприемлема ксенофобия, шовинизм, антисемитизм с его конспирологическими подозрениями и другие спекуляции,

противопоставляющие друг другу народы и цивилизации по критериям крови, рода и племени. Его главная забота состояла в том, чтобы студенты и преподаватели кафедры философии «были в курсе» самых последних новостей и событий культурной жизни, могли соотносить их с исторически сложившимися культурными традициями и на их основе оценивать то действительно новое, что несут с собой феномены нравственности и культуры 1960-х и 1970-х гг.

Заведая кафедрой философии, он не мог игнорировать спускаемые сверху идеологические директивы, нередко приурочиваемые к очередному съезду и пленуму ЦК партии или к выходу «трудов» её генерального секретаря. Однако его отношение к этим рекомендациям носило характер восприятия ненастной погоды: в неё также надо было продолжать возделывать сад философии, нести просвещение и культуру, максимально нейтрализуя издержки идеологического кликушества. Лукавый блеск в глазах, еле заметная улыбка заменяли ему развёрнутые панегирики «за» и вполне возможные филиппики «против». Он не брал на себя труд доказывать недоказуемое и его противоречия с очевидным, охотно оставляя это тем, кто по ряду причин вынужден был браться за этот неблагодарный труд.

По возрасту, жизненному опыту, уровню культуры и пониманию сложности её внутренних процессов он относился к «олимпийцам», как и положено быть крупному мыслителю философского профиля, координирующему к тому же преподавание философии в полифункциональном вузе, отличающемся сложностью своего студенческого, аспирантского и преподавательского состава. Вместе с тем он был нетерпим к невежеству, самоуверенной тупости, подлости и мелкому интриганству. Во всех этих случаях терпение мгновенно оставляло его. Свой незаурядный вес нравственного и административного влияния он немедленно и со всей возможной силой использовал для того, чтобы оградить созданную им кафедру от ненужных и довольно опасных испытаний. При этом его обстоятельные беседы с претендентами на работу в её составе отличались предельной мягкостью, достаточно быстро выявляли сильные и слабые стороны собеседников. Ненавязчиво шли рекомендации о способах нейтрализации слабости и направлениях роста научного и педагогического потенциала.

Александр Фёдорович постоянно читал на немецком, французском и английском языках, владел основами латыни, внимательно следил за новинками на иностранных языках, поступавшими в библиотеки Института информации по общественным наукам и в Ленинку; увлечённо рассказывал собеседникам о последних точках зрения в тех концепциях, которые были на слуху у философской общественности. При этом даже в его 73–74 г. глаза загорались, мысль звучала законченно, чётко, остроумно; оценки были не шаблонные и проницательные. Чувствовалось,

что продвижение в хитросплетениях теории доставляет ему неподдельную и глубокую душевную радость – радость постижения и чувства красоты его совершенства, чувство значимости новой ступени и глубины осознанного и понятого.

Например творческой жизни А.Ф. Шишкина можно убедиться в незыблемости нескольких важных общечеловеческих истин. Первая из них связана с формулой, в очередной раз выделенной А.И. Солженицыным в 1960-х гг.: «Жить не по лжи». Это трудно в ситуациях, когда ложь то является ложкой дегтя в бочке мёда, то наоборот – правда мёда остаётся ложкой в бочке лжи. Манипуляция ложью в личине правды и полуправды составляет, по наблюдениям Ж. Бодрийера, главное звено в искусстве создания симулякров. То есть – тиражировании более или менее правдоподобных конструктов, обеспечивающих привлекательность идей, ситуаций, поступков и т.д. Не допускать ходульности, с одной стороны, надувания щек от мнимого величия – с другой; сохранять внутреннее достоинство в условиях, когда внешняя среда работает на унижение личности, – это всё рецепты, позволяющие избежать прирастания маски к лицу. Если последнее случается, наступает шаблонизация поведения, клиширование жестов, многозначительность модулирования голоса и другие признаки, когда, не вслушиваясь в содержание, можно безошибочно решить – лжёт прохвост...

Александр Фёдорович ценой непрерывной внутренней работы над собой сумел избежать этой плачевной судьбы. Чувство внутреннего достоинства позволило ему выбирать предметы и темы научных и педагогических занятий, сохранявшие и выявлявшие непрерывно свою существенность, значимость, перспективность. Даже в тех общественно-идеологических условиях, когда ценилась готовность произнести «одобрямс!» ещё до завершения ценного указания. Как и все люди его времени и положения, он получал их в достаточном количестве. Сначала выслушивал до конца, потом – размышлял. Не соглашался, если несогласие не влекло за собой немедленную смертельную опасность для него и

для дела. Принимал к сведению, если обстановка сулила обратное, и затем, часто – стиснув зубы, делал то зависящее от него, что позволяло минимизировать разрушительность (организационную и – что важнее – моральную) полученной установки. Именно на этом минном поле произрастал его философский сад – приумножение культуры этического знания, его трансляция, поиск и воспитание единомышленников, содержательные диалоги с ними в целях улучшения нравов в Отечестве. неброская повседневная работа (Шишкин старался работать в библиотеках каждый день, свободный от учебных и административных дел), постоянная сосредоточенность, ведение записей значимых для него мыслей на ритуальных заседаниях... И готовность включаться в споры, максимально бережно относясь к позициям их участников, и, суммируя их точки зрения, извлекать смыслы, до этой минуты остававшиеся ещё не прояснёнными.

Он прекрасно владел сократическим методом. Но, видимо учитывая уроки Сократа, смягчал остроту сарказмов очевидностью недоговорённого. Прокурорская безапелляционность не была ему свойственна в содержательных научных дискуссиях. Ценность истины состояла не только в том, что она уяснена на данный момент, но и в том, что истина имеет потенциал движения, видоизменений, развития; проявляет себя в неожиданных и даже причудливых феноменах. Любить истину означало для него готовность к неустанному труду, в котором постоянное размышление сочетало в единое целое разнообразие фактов, концепций, позиций. Он не стремился к унификации разнородного интеллектуально-духовного материала. Его интерес был в том, чтобы внутренние связи просвечивали и являли себя как закономерное устойчивое отношение, объединяющее непохожее и часто неожиданное. Его повседневный труд, следующий формуле поэта Н.А. Заболоцкого – «Душа обязана трудиться, / И день, и ночь, / И день, и ночь...», утверждал непреходящую ценность усилий носителя культуры в сложное и противоречивое время.

Glagolev V.S. Integrity of reason and creativity.